

Денис Белоногов

МОТОЦИКЛ

рассказ

16+

Денис Викторович Белоногов

Мотоцикл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58649168

SelfPub; 2020

Аннотация

Только страсть и одержимость заставляют нас ждать тот самый единственный день в году, и только ради него мы продолжаем жить. Даже тогда, когда это кажется пустым и не логичным.

Яркий солнечный свет проникал сквозь пыльное окно. Утреннее солнце еще не начало припекать, но воздух возле окна уже порядком разогрелся. Легкий ветерок, пропитанный запахом листвы, влетел в комнату, сбросив старые газеты со стола и заставив недовольно скрипнуть покосившуюся створку с облупившейся краской.

В душе снова встрепенулось нетерпение, поселившееся там с начала лета. Но теперь он ощутил, что томительное ожидание закончилось.

Он сполз с кровати, зачем-то неуклюже размялся. Прошелся по комнате, словно не знал чем себя занять. Снова выглянул в окно. Погожий летний день. Очень похожий на тот самый, подходящий. Снова сел на кровать, уперев руки в край постели и попытался привести мысли в порядок. Сегодня важный день, а значит ничего нельзя упустить. Все что нужно сделать он знал давно и наперед, но на всякий случай снова восстановил в памяти. Глубоко вздохнул, резко выдохнул.

Первым делом он вышел в коридор. Канистра, заранее принесенная из гаража, стояла там, завернутая в газетную бумагу, чтоб в квартире не пахло топливом. Впрочем, помогало это не сильно и легкий аромат бензина уже пропитал все вокруг и немного будоражил сознание. Он открыл крышку канистры. Резкий запах бензина ударил в нос. Он постукал по бокам канистры и вытряхнул немного ржавчины. Можно собираться.

Ел машинально, почти не пережевывая, глотал большие куски. Спроси его через пять минут, чем он завтракал, он бы и не вспомнил. Все его мысли были там, в гараже. Там стоял его старый мотоцикл. И сегодня он снова поедет на нем.

Он часто навещал его в гараже. Приходил, натирал до блеска. Любовался игрой света на хромированных гранях. Наслаждался безупречной, стремительной формой, вспоминая былые годы, когда он проводил на нем так много времени. Ходил вокруг него кругами, осматривая, проверяя четкость работы механизмов. Садился на него. Представлял как выезжает на дорогу и привычный ветерок обдувает его лицо, но никогда не заводил и не выводил из гаража. Не всякий день подходил для поездки. День мог быть хмурым, когда настроение и само по себе не очень. Мог быть прохладным и тогда холодный воздух выстужал тебя, тем сильнее, чем скорее ты мчишься. Мог быть дождливым и ветреным и ты, сидя на мотоцикле, не столько едешь, сколько борешься с непогодой. Но тот самый день должен быть идеальным по всем мерам. Ничего кроме яркого солнца, не изнуряюще знойного, а такого теплого и уютного, чистого неба, лазурного, с идеально белыми барашками облаков в вышине. Ничего лишнего, что может отвлекать от поездки. Той самой единственной поездки в год, что он мог себе позволить.

Он спрятал его тогда, когда понял к чему все идет. В то время, у стремительно беднеющего населения, начались первые конфискации за долги. Как-то внезапно, люди осозна-

ли, что и без того постоянно дорожающая жизнь, не просто без излишеств, а зачастую без жизненно важных вещей вроде пищи и воды, оказалась под гнетом бесчисленного количества налогов и поборов, возникающих буквально по каждому поводу. Долги увеличились многократно, но это стало лишь спусковым механизмом для появления полчищ изыmateлей. Они забирали последнее имущество у обнищавших людей. Тогда он и нашел этот гараж на самой окраине трущоб, опоясывающих город постоянно расширяющимся кольцом.

В городе, где он жил, давно не осталось приличной работы. Люди выживали как могли. Все, что было ценного, было распродано за гроши многие годы назад. Временами, в самые тяжелые моменты, он и сам не мог понять почему не продал его. Для себя он решил, что не продал, потому, что уже тогда выручить за него хорошие деньги было нереально, а отдавать за бесценок. Этот безупречный механизм, созданный лучшими инженерами там, за границей привычного ему мира, которая когда-то была открыта, для всего лучшего, что было создано человеком. Так он объяснял себе это. Старательно внушая себе, что это всего лишь механизм и продать его не проблема, но отдать за бесценок. Это уж ни в какие ворота. Но где-то внутри себя он точно знал, что причина в другом. Один раз увидев его, он понял, что он тот самый. Что если он купит его, то уже никогда не сможет с ним расстаться. Пусть он сгниет он недостатка движения и прозяба-

ния в темном влажном воздухе захудалого гаража. Но он насладится им сполна и не разделит страсть обладания им ни с кем. Он не позволит продать его на запчасти или передать молодому забияке, что выжмет из него последние силы, а то и просто разобьет. На это он пойти никак не мог. Вот если бы найти того, кто смог бы в полной мере оценить то, что он увидел в этом механизме. Он передал бы его в хорошие руки. Но таких людей он не встречал. Людей способных полюбить машину.

Поэтому мотоцикл и стоял в гараже круглый год, а он подерживал его в рабочем состоянии пользуясь жалкой кучкой инструментов в гараже. Только самое необходимое, чтоб время от времени поменять масло, фильтр, что-то подкрутить, да еще старая крашеная от ржавчины канистра для топлива. Вот все, что осталось внутри старого железного гаража окрашенного зеленой заборной краской, которой теперь окрашено все повсеместно. Ибо кроме военных объектов ни осталось больше мест, которые хоть как-то работают. Даже автозаправки теперь при военных частях.

Каждый новый выезд мог стать последним. Сломайся самая безобидная часть и все. Он не сможет найти замену. Даже простой тросик был на вес золота. Поэтому так много времени проводил он гараже, подавляя цветущие очаги ржавчины, смазывая трущиеся детали и проверяя их ход. К счастью, у него был старый приятель, который за сигареты, полученные по талонам, воровал ему немного машинного масла на

военном полигоне. Самому ему сигареты были не нужны, но как средство платежей они очень даже использовались.

Поиски ключей от мотоцикла заняли больше времени, чем он рассчитывал. В верхнем ящике комода их не оказалось. Он несколько раз все перерыл, не переставая корить себя, что до сих пор не завел специальное место для их хранения. Когда стало очевидно, что слегка перемешав вещи ему ключи не найти, он взялся за поиски серьезно. Сначала на полу оказалось содержимое ящиков комода. Потом пришел черед ящиков, так как выяснилось, что комод настолько стар, что фанера из которой он был сделан уже рассыпалась в труху. Ящики перекосило и в них образовались щели. Вполне достаточные, чтоб туда провалилась небольшая связка ключей. Ключи оказались под самым нижним ящиком. Он оставил вещи и ящики от комода на полу. Сейчас нет времени, чтоб все приводить в порядок. Из кучи тряпья, подгнившего от влаги и поеденного молью, он выудил плотную рубаху и накинул ее. Может и не по погоде, зато в дороге уютно.

Пока собирался, он то и дело выглядывал в окно. Впрочем, погода похоже и не собиралась портиться. Когда он окончательно уверовал, что сегодня погода на его стороне, он выскочил из квартиры и хлопнул дверью. Он держал путь в сторону топливной заправки. Она была в полчаса ходьбы. И хоть теперь каждая минута на счету, опыт подсказывал, что не стоит тратить силы. Ведь обратно придется идти с пол-

ной канистрой топлива.

Теперь главное, чтоб на заправке оказалось топливо. Впрочем он знал, что заправщик всегда держит заначку для особых случаев. А значит дело только в цене. Возможно придется поторговаться и все равно заплатить втридорога. Но он был готов и к этому. Весь год он откладывал каждую лишнюю монетку, отказывая себе буквально во всем, ради одного этого дня.

И вот наконец заправка. Уже издали, щурясь от солнца, он всматривается в надпись на широком полотне на фасаде заправки. «Топливо есть». Сердце забилось учащенно, он ускорил шаг и чуть не влетел на заправку запыхавшись, и возбужденный словно страстный влюбленный. Он вовремя осадил себя. Даже пару минут постоял у входа, чтоб отдышаться. Нагнулся, распустил и завязал шнурок. Сделал осунувшееся лицо, чуть усмирил дыхание и загнал глубоко внутрь волнение. Заправщику не стоит знать, что он возбужден и видеть его горящие глаза. Если он почует неладное, то тут же бессовестно закроет заправку, скажет, что топлива нет, а надпись, просто еще не успел заменить правильной – «Топлива нет». И тогда он вытянет у него последние гроши за заначку топлива.

Он устало вошел внутрь. Едва доплелся до прилавка и попросил наполнить канистру. Лишь на треть. Это такая хитрость. Если попросить полную или хоть половину, то заправщик заломит цену. Все давно привыкли заправлять кани-

стру на треть, а еще лучше на четверть. Заправщик щурится и учиняет форменный допрос. Мол топливо нынче дорого и вообще на охране национальных интересов. Достояна ли цель, с которой он берет себе столько топлива. Он умело обходит «ловушки», расставленные заправщиком и тот недовольный все же наливает ему топливо. Неловко пересчитывая пальцами замусоленные деньги, он отсчитывает нужную сумму. Немного не хватает. Все по плану. Стоит несколько секунд в растерянности, а затем, хлопнув себя по лбу и сооротив сконфуженную мину, роется в кармане. Наконец извлекает горсть мелочи. Отсчитывая по монетке. Очень медленно, словно каждая новая, это частичка его плоти, потеря которой невозможна. Наконец вся сумма собрана и он передает ее в кассу. Заправщик неохотно возвращает ему канистру с бензином и недовольно нахмурившись качает головой, словно чувствует, что его провели.

Неспешно покидая заправку, он едва сдерживает себя, чтоб не припустить на всем ходу. Улица. Теперь бегом в гараж.

Минуя старые многоэтажные коробки, давно покинутые жильцами, обветшалые, с пустыми провалами окон, обвалившейся штукатуркой и прогнившими крышами. Их слишком дорого было содержать, в них слишком дорого стало жить в нищей стране. Люди давно перебрались на окраины. В маленьких домиках-коробках, да с небольшим огородом, можно вполне сносно существовать. Он и сам так хотел, да

как-то не сложилось.

Перескакивая с островка на островок, оставшегося со старых времен асфальта, он добрался до окраины города. Здесь по большей части бараки и бесчисленные гаражные будки, жмущиеся друг к другу, как в фавеллах, о которых он читал в журнале. Тогда он удивлялся, что люди могут так жить.

Чем меньше дома, тем чаще встречаются люди. Народ здесь простой, бедный, но не растерявший достоинства. Неторопливо занимаются своими делами, на других оборванцев внимания не обращают. Но это только на первый взгляд, живут здесь сплоченно, чужих не жалуют, но и своих в обиду не дадут. Он рад, что знаком этим людям. Здесь даже спокойнее чем в городе, хоть такие районы в лучшие времена и считались опасными. Стайки детей бегают по улицам, задорно смеются.

А вот и гараж. Один из тысяч таких же. Ржавые покосившиеся ворота, распахнуты настежь. Внутри пусто и пахнет сыростью. Но пусть вас это не обманывает, это только для посторонних. Он не зря выбрал именно этот гараж. Он довольно длинный и его задняя часть, скрытая растительностью, выходит на старую дорогу. Он просто уменьшил его в половину, заложив кирпичную перегородку. Продравшись сквозь кусты, он заходит с другой стороны. Здесь двери закрыты на замок, да и выглядят получше, краска свежая. Горячий воздух от разогретого солнцем металла, вырывается ему навстречу. Он открывает двери настежь, проветривает.

Мотоцикл стоит здесь.

Не в силах собраться с мыслями, он немного ходит по гаражу, суетится, делает что-то по мелочи, перекладывая с места на место, без всякой цели, старый хлам. Время от времени выглядывает наружу, в небо. Не собирается ли гроза? Вроде порядок. Кажется погода разгулялась еще больше. Он очень переживает, последний раз такое было год назад. Около того. Как он? Заведется ли? Исправен ли? Маленькая резинка прохудилась и всему конец. Наконец берет себя в руки, открывает горловину бака и заливает топливо. Оно приятно булькает внутри бака, словно мотоцикл очень доволен. По гаражу распространяется запах горючего. Открывает кран подачи топлива и подсасывает его в двигатель. Достает подножку стартера. Она не смотрится здесь. Как уродливая кулья торчит она сбоку. Раньше мотоцикл заводился электрическим стартером, но аккумуляторы теперь большая редкость и в лучшие годы он все же примостил эту уродливую кочергу к мотору. Теперь он хотя бы может завести мотоцикл в любое время. Несколько раз срывает ногой педаль стартера. Пока ничего. Мотор урчит, но не схватывает, шурша сжимаемым воздухом и прокручивая коленчатый вал. Немного отдыхает, давая топливу расползтись и заполнить всю систему, испаряясь и насыщая взрывной смесью легкие мотора. Еще одна попытка. С третьего толчка мотор схватывает и оживает. Сначала он грубовато ревет повышенными оборотами, как недовольный старик, которого долго не

навешала родня. Время от времени пропускает такт и работает неровно. Он немного крутит ручкой газа, «подначивая» мотор, чтоб тот не захлебнулся, дает «разогнать кровь». Наконец мотор успокаивается, рокот его становится ровнее и теперь больше похож на недовольное ворчание. Постепенно разогреваясь мотор работает ровнее, ворчание его переходит в довольное, размеренное урчание, словно он «сыт и доволен». Работа двигателя теперь размеренная и спокойная. Когда уже нет нервного шуршания цепи распределения, не раздастся резкого стрекота непрогретых клапанов, а масло уже разошлось по двигателю, заставляя каждую его часть работать слаженно. Вот оно наслаждение, глухое урчание мотоциклетного двигателя. Такое неторопливое, фыркающее, размерное, успокаивающее. Наверно оно чем-то похоже на стук сердца коня, раз вызывает в человеке ответные чувства. Много похожих звуков, но тот самый мотоциклетный не спутать ни с чем.

Он выходит из гаража и садится у входа. Поднимает руки к лицу, пальцы нервно дрожат, но это приятное чувство. Несколько минут сидит и прислушивается, давая двигателю набраться сил и выискивая подозрительные шумы в работе. Нет, все идеально. Значит этот год не потерян. Еще остается вероятность проблемы с коробкой, но обычно это слышно сразу.

Двигатель работает ровно и уверенно. Мотоцикл раскачивается размеренной нетерпеливой дрожью в такт с ним,

словно предвкушает, когда можно будет сорваться вскачь.

Шлем немного пыльный. Он сметает ее ладонями. Вытирает рубахой пыль с маски. Надевает на шлем и застегивает. Старые кожаные перчатки немного огрубели. Он берет промасленную тряпку и вытирает перчатки. Затем немного мнет их в ладонях. Нос приятно щекочет запах кожи, смешанный с запахом моторного масла. Натягивает перчатки и пробует сжать пальцы – теперь гораздо лучше. Пальцы слушаются, их ничего не сковывает. Встряхнув старую брезентовую куртку, он накидывает ее на плечи.

Он подходит к мотоциклу, нетерпеливо бурчащему в ожидании ездока. Сердце бешено колотится, как у человека так давно не видевшего старого друга. Перекидывает ногу через седло и упирается ногами в землю. Руки ложатся на руль, обхватывают резиновые ручки. Привычным движением пальцев он выжимает сцепление и ботинком толкает рычаг коробки передач. Коробка откликается жестким ударом, а мотоцикл брыкается, как конь получивший шпорами в бок. Обхватывает коленями бак мотоцикла и крепко сжимает. Вибрации передаются телу и нетерпение охватывает нутро – он трогается и сердце стократно ускоряется, бешено колотясь в такт с двигателем стального зверя. Сквозь узкую щель в листе он вырывается на простор.

От гаражей, вдаль от города, ведет узкая дорога из бетонных плит. Растрескавшихся и запущенная настолько, что сквозь щели между плит, всюду пробивается трава. Через

пару километров и плиты заканчиваются, начинается грунтовка. Сильно там не разгонишься, да это и не нужно. Здесь давно никто не ездит. Некуда ездить, предприятия закрылись и жизнь остановилась. Но сегодня именно это и нужно. По нынешним временам ему не нужны свидетели. Попадись он, и мотоцикл конфискуют в пользу государства, а ему выпишут штраф, который он будет выплачивать до конца своих дней. Полная скрытность теперь его союзник. Он не боится зевак, посторонних здесь нет, а у местных полно своих секретов, они держатся сплоченно. Главное не попасться патрулю или соглядатаям. Но обычно они сюда не суются, тут их не жалуют. Дороги теперь опустели, особенно такие старые и запущенные как эта, ни тебе огромных ревуших грузовиков, ни юрких легковушек, норовящих обогнать при каждому удобном случае. В том же направлении теперь идет другая трасса, гораздо шире, впрочем на ней делать нечего. В основном по ней ходят военные транспортеры или длинные блестящие машины чиновников всех мастей. А эта трасса, теперь в запустении, на ней только и встретишь, что редкий раздолбанный грузовичок, но это даже хорошо. Никогда не знаешь хороший ли человек едет тебе навстречу или он плотно содействует нынешней власти. Рисковать и проверять себе дорожке.

И как назло, в рокоту работающего мотора теперь примешивается эхо. Пока звук тихий, кажется, что это эхо вторит звуку мотора. Но чем дальше, тем громче становится слы-

шимый звук. Может все же эхо играет злую шутку? Откуда здесь другой мотоцикл? Может автомобиль? Но этот звук ни с чем не спутать – звук ворчащего вэ-твина. Без сомнения это не автомобиль, это другой мотоцикл. Он отпускает ручку газа и мотоцикл замедляется, переходя на ровное бурчание, он останавливается на обочине и прислушивается. Да, теперь нет сомнений, это другой мотоцикл. Он вот-вот появится из-за поворота. Убираться с дороги поздно, все равно заметят. Остается ждать. Ведь это другой мотоциклист. Вне закона, так же как и он сам. Он стоит на обочине и ждет. Наконец, опережая клубы пыли, из-за поворота выскакивает мотоцикл и быстро приближается. Увидев, что на дороге он не один, сбрасывает газ, от чего клубы пыли окутывают его. На черном, с массивными хромированными трубами, мотоцикле восседает крупный мужчина. Лицо седока закрывает черный платок, на глазах темные очки со стеклами закрывающими пол лица. Шлема нет, только короткая, изрядно выгоревшая, черная шапка. Видавшая виды куртка, с ремнями развевающимися на ветру, вызывает зависть, в такой непогода не страшна. На небольшой скорости он проезжает мимо пристально глядя на неожиданного свидетеля. Поравнявшись, медленно кивает и дождавшись ответного кивка, ускоряется, и исчезает за поворотом ни сказав ни слова. Так даже лучше. Лучше вообще не знать ничьих грехов, лучше не подпускать к себе людей, не сближаться с ними. Ведь когда к тебе придут, если они будут очень настойчивы, ты выло-

жишь им все. Нас таких много, но лучше нам не знать, что существует кто-то, кроме тебя самого.

Он снова выкруливает на дорогу и продолжает путь. Едет не торопясь, мысли нахлынули на него и он увлечен их водоворотом. Сидя в седле так легко забыть о своих проблемах, о невзгодах, но они не отпускают тебя надолго и иногда в самом неожиданном месте, когда тебе кажется, что ничего не может потревожить тебя, они возвращаются.

Узкая дорога плутает через лес, резко меняя направление, словно выбирает лучший путь в лестной чаше. Иногда попадает асфальт, который еще не поглотила природа. На нем колдобина на колдобине, приходится нервно работать рулем, уж лучше грунтовка. Но он еще наворачивает свое. Будут впереди участки с асфальтом получше. Мотоцикл идет на нем хорошо. Мотоцикл даже оживает и словно просит открыть газ, и дать разогнаться. Рука не может отказать. Он плавно откручивает ручку газа и оживляет мотор, а тот довольный, словно истосковался по быстрому бегу, рвет колесами полотно и устремляется вперед.

Окружающий лес, кажется таким мягким, как зеленая сахарная вата. Таким он кажется только на скорости. Встречный ветер проникает под маску шлема – он пахнет можжевельником и хвоей и пьянит не хуже скорости.

Влетаешь в низину и словно натыкаешься на сотни ледяных струй, здесь очень холодно. Наверно поблизости река. Не успеваешь продрогнуть насквозь, как тебя поглощает тол-

ща теплого воздуха, он быстро выдувает холод из под куртки, оставляя лишь озноб, как напоминание. Через несколько мгновений согреваешься.

Дорога, то ныряет в тень, то выскакивает на открытое пространство, чтоб погреться на солнце. Дорожная пыль щекотит нос. Солнце высоко и заставляет щуриться даже сквозь маску шлема. От пыли, солнца и удовольствия он смачно чихает. Но мотоцикл идет уверенно и твердо, он легко прощает хозяину маленькие шалости и беззаботность.

Теперь дорога идет прямо, настолько монотонно, что можно даже не следить за ней, а можно полностью отдаться собственным мыслям и наслаждаться движением. Гнать совсем не хочется и мысли уносятся в даль.

Солнце припекает и воздух разогревается настолько, что кажется вязким. Влага испаряется буквально из земли и насыщает воздух. Небо вдалеке темнеет и наливается свинцом. Жар настолько нестерпим, что рука снова откручивает газ, заставляя мотоцикл реветь и нестись все быстрее и быстрее на встречу тучам, возможно там его ждет желанная прохлада.

Тучи теперь все ближе, они неумолимо приближаются и вот-вот нависнут, и покроют все вокруг мраком. Через минуту, резко темнеет. Мотоцикл снижает ход, но не останавливается. Наездник держит ровную скорость и смотрит вверх, бросая вызов непогоде. словно в ответ, по шлему начинают стучать редкие капли. Массивные, разбиваясь о гладкую

поверхность, разлетаются сотнями мелких осколков, остужая иссушенную, разгоряченную кожу. Начавшийся редкими каплями, дождь резко переходит в могучий ливень. Мотоциклист упрямо, наперекор тому, едет сквозь мощные струи воды, оставляя за собой влажную взвесь и брызги. Он едет на встречу потоку, так отчаянно быстро, что кажется хочет вырваться из плотной завесы дождя, обогнав капли еще не упавшие на него. Дождь заканчивается так же внезапно, как начался. Снова выходит солнце и нагревает воздух. От еще влажной дороги поднимаются тонкие струйки пара, они взвиваются вверх тонкими завитками. Но солнце жарит неумолимо и за секунды дорогу устилает густой туман. Рев мотора на секунду ослабевает. Уже на показалось ли? Над дорогой, прямо из тумана восстают призраки. Это струи пара, окрепшие и горячие взвиваются над дорогой и клубясь, материализуются в полупрозрачные фигуры. Мотоцикл летит им навстречу, вонзаясь в эфемерные сгустки на полной скорости, разметая их в клочья. Седок видит в зеркалах, как вновь поднимаются они над дорогой, недовольно раскачиваясь, от того, что кто-то потревожил их неспешный ход.

Лес отступает и мотоцикл вылетает на открытое пространство. Резко замедляется. Впереди долина с маленьким блюдцем озера в самом центре. Дорога устремляется к ней, петляя по узким уступам. Мотоцикл снова набирает скорость.

Дорога покорно следует за уступом, повторяя его изгибы.

Лишь серая полоска асфальта, чуждая этому месту, да ржавые отбойники отделяют его от обрыва, где ничем не сдерживаемая жизнь тянет к нему свои пышные зеленые лапы. Он азартно летит посередине дороги и увлеченно управляет движением. Борется с рулем, перенося вес тела, уверенно устремляя мотоцикл в очередной поворот. Слева движение. Широко расправив крылья его настигает птица. Это ястреб. Он словно хочет узнать кто нарушил его вековую монополию на скорость в этих местах. Они несутся вниз бок о бок. Ястреб, то набирает высоту, ловя восходящий поток, то складывая крылья камнем падает вниз. Он словно провоцирует его, подначивает показать на что тот способен.

Там, вдали, в когда-то таком уютном и жизнерадостном месте, приютился маленький городок. Дорога к нему идет через плотину, давно заброшенную и практически разрушенную, отчего озеро обмелело, и только шустрая речка, более не сдерживаемая величественным отвесом плотины, льется через трещины вниз. Город стал угрюмым и безжизненным, люди покинули его. Именно здесь заканчивается это путешествие. Сюда приезжает он, смотрит сверху на город по ту сторону давно рухнувшего моста.

И вот наконец плотина и мост. Он останавливается и спешивается. Мотор не глушит, пусть работает. Дальше ехать нельзя. Крупные трещины испещрили тело плотины, а мост, словно язвами, усыпан провалами. Лишь отчаянные смельчаки рискуют здесь ходить. Именно поэтому город вымер,

его связь с миром, так необходимая для развития жизни, прервалась. Он отводит мотоцикл с дороги, к большому тенистому дереву неподалеку. Затем ложится в тени дерева, опершись спиной на ствол. Через несколько минут дремлет, время от времени просыпаясь и глядя то на реку с ее безмятежным течением, то на блестящие детали мотоцикла.

Пора возвращаться. Он взбирается на мотоцикл и трогается. В баке как раз на обратный путь. Теперь к удовольствию от поездки примешивается легкая грусть. Ведь в следующем году может и не получиться. Легкая досада сковывает ему сердце. На минуту заставляя погрузиться в неприятные мысли. И мотоцикл словно почувствовав это тоже замедляется и теперь понуро плетется, чуть не задыхаясь на ходу.

А впрочем сейчас-то все хорошо и может быть будет не так уж плохо, возможно и что-то изменится в лучшую сторону. И тратить время на тревоги, такое драгоценное время, как-то не хочется. Он встряхивает головой, выбрасывая из головы грустные мысли и крутит ручку газа. Мотоцикл с охотой откликается и набирает скорость.

Слабый гул раздается где-то позади и быстро нарастает. Похоже обратный путь обернулся неприятностями. Гул кажется смутно знакомым, что-то из прошлого. Он едет и прислушивается, пытаясь найти в закоулках памяти ответ. И не давая времени на раздумия, над его головой проносится «кукурузник» и летит вдоль дороги. Он словно вырвался из да-

лекого прошлого, с давно выцветших фотографий. Пестрая окраска, выдает, что клепанные листы фюзеляжа собраны из остатков металла, буквально по кускам. Но не смотря на кажущуюся хрупкость конструкции, мотор самолета работает уверенно, а самолет летит стремительно, словно бушующие воздушные потоки не могут найти и маленькой щелки, чтоб проникнуть под обшивку и разметать самолет в клочья. Мотоциклист ускоряется, пытаясь догнать его. Какое-то время они несутся вместе. Мотоциклист кричит от восторга. Мощный поток встречного воздуха, кажется способен поднять и закрутить его как щепку. Наконец самолет взмывает в воздух, набирая высоту. Тщетно. Над головой раздается оглушительных хлопок и в небе, как будто разорвав дыру в пространстве появляются два истребителя. Они берут «кукурузник» в тиски и какое-то время преследуют его. Тот пытается оторваться, но любые его маневры обречены на провал. Преследователи слишком мощны и подготовлены, они играют с ним как кошки с мышкой, то ускоряясь, то замедляясь, то оттесняя его, они не позволяют ему оторваться. Наконец, вдоволь наигравшись, один из них резко набирает высоту и уходит в маневр, в то же время второй продолжает преследование, но не долго. Первый самолет занимает положение для атаки в хвосте кукурузника, а второй резко уходит в сторону. Раздается короткая очередь и кукурузник, как птица с перебитым крылом начинает мотаться из стороны в сторону, теряя высоту, а позади него валит густой черный дым. Ка-

жется мгновения его сочтены и он вот-вот рухнет, но пилот упрямо борется за машину и кажется снова берет контроль над ней. Самолетик вновь выравнивается и даже начинает набирать высоту. Даже дым позади постепенно разряжается и почти исчезает. Мотоциклист радостно грозит кулаком истребителям. Все же поспешно. Кукурузник вздрагивает и потеряв ход начинает стремительно падать. Видно, что пилот из последних сил пытается удержать машину, но тщетно. С оглушительным ревом исчезнув за холмом, самолет падает, а над холмом взвивается пламя и раздается взрыв. Мотоциклист крутит ручку газа выжимая из мотора все силы, и кажется будь у него крылья он и сам взмыл бы в воздух. Дорога огибает холм. Там, за поворотом, разбитое на сотни осколков лежит, то, что осталось от самолета, горящее топливо яростно пожирает все, что в состоянии поглотить. Черный дым валит над местом катастрофы. Мотоциклист съезжает с дороги. Разгоряченный мотор рвет землю колесами, увязая, приходится сбросить скорость.

Он облегченно выдыхает. Там, за пожарищем, скрытый от глаз клубами черного дыма, еще борется с порывами ветра белый парашют. Неизвестно жив ли пилот, но все же это хороший знак. Лишь бы только он успел раскрыть парашют вовремя. Трава и комья земли набиваются под крылья колес. Он подъезжает к парашюту и спрыгивает на землю. В несколько прыжков оказывается около парашюта и хватается стропы. Выбирая одну за другой, он валит его на землю и на-

брасывается сверху. Совладав с парашютом он бежит к пилоту. К счастью тот жив. Он лежит на боку и держится за плечо. Рубаха потемнела от крови, но выглядит он бодро. Совместными усилиями они освобождают его от запутавшихся строп. При этом пилот умоляет об осторожности, он хочет сохранить парашют.

Они почти не говорят. Работы так много. Как только с парашютом покончено, пилот бросается к самолету, в самое пламя. Мотоциклист даже немного опешил от такой прыти. Но затем устремляется туда же. Нет, не помогать. Пламя слишком сильно и кровожадно. Возможно спасти пилота от роковой ошибки. Тот скачет вокруг самолета, кажется не замечая боли, не чувствуя последствий потери крови, не боясь ожогов и едкого дыма, что и сам способен испустить жизнь из всего живого. Он едва успевает схватить пилота, оградить от последнего отчаянного поступка. Кабина пылает, все приборы наверняка оплавлены от высокой температуры, там уже ничего не спасти. И все же пилот не унимается. Он рвет землю пальцами, бросая вырванные куски в пламя, пытаясь потушить его. Понимая, что пилота не остановить, мотоциклист тоже начинает тушить. Он не сводит напряженного взгляда с пилота. Но тот кажется ничего не замечает. Он работает с остервенением и только усталость и потеря крови валят его с ног и он оседает на колени. Пламя потихоньку гаснет.

Мотоциклист кладет руку на плечо пилоту. Тот вздраги-

вает, кажется только сейчас понимая где он.

– Пора уходить, они могут прийти сюда за вами.

Несколько секунд пилот молчит. Его остекленевшие глаза смотрят сквозь пламя. Наконец он хрипло выдыхает. Его голос удивительно ровный и отрешенный, но приятный и какой-то осмысленный:

– Никто не приедет.

– Разве они не захотят поймать нарушителя?

– Они давно не делают так. Им достаточно напакостить. Это ничего не стоит. Да и кому нужен человек лишенный смысла жизни, лишенный души. Заберите у человека что-то сокровенное, отдушину, отраду и он, итак, мертв. Ловить лишь для того, чтоб содержать до физической смерти то, что, итак, мертво? Они подлецы, но очень рациональные подлецы.

– Но ведь закон...

Пилот устало улыбается, как-то беззлобно, обреченно.

– Давно вы его прячете? – пилот кивнул в сторону мотоцикла.

– С тех пор как это стало запрещено.

– Странно, что вы до сих пор не поняли как они работают.

Мотоциклист помялся раздумывая над ответом. Буквально выстраивая на ходу новую философию, быстро пытаюсь найти объяснение тому, что нужно было обдумать давно.

– Я был очень осторожен. Я думаю... – не нашелся он с ответом.

– О да, вы не так заметны – с легкой грустью ответил пилот – Поймите, сам факт обладания чем-то сокровенным не дает того удовольствия, что взаимодействие с объектом обожания. И я думаю, что где-то глубоко внутри вы понимаете, что им не нужно вас ловить, им достаточно забрать у вас не просто право обладать, но и право пользоваться, наслаждаться. Сами они, пораженные глупостью и пустотой, не в состоянии даже понять, что дает вам эта машина, возьми они ее себе и она не сможет дать им той же отдачи. Поэтому проще уничтожить. Меньше хлопот.

Он неторопливо обошел мотоцикл, осматривая его внимательно. Каждое его движение отдавалось болью, это было видно по тяжело дающимся шагам и осторожным неуверенным движениям, но кажется его тело действовало само по себе, служа лишь оболочкой для духа. Глаза же его смотрели пронзительно, без намека на боль мучившую все тело.

– Это прекрасная машина. Храните ее сколько сможете, но не прячьте. Не позволяйте им отнять у вас удовольствие наслаждаться этой машиной, пусть и в последний раз.

– А как же вы? Что дальше? Ведь вашей машины больше нет. А собрать новую... простите...

– Что-то придумаю... Пока горячий воздух способен стремиться вверх, я снова и снова буду летать.

Мотоциклист вновь завел свою машину. И послушав ровный рокот из труб, оседлал мотоцикл.

– Я могу отвезти вас. Вам нужен уход, вы ранены.

– Не стоит. Не рискуйте понапрасну. Я хочу дождаться, когда все догорит. Возможно что-то удастся спасти. Да и легкий металл мне еще пригодится. Пока мародеры не добрались до сюда, постараюсь припрятать все ценное.

Мотоциклист кивнул и громыхнув передачей, тронулся. В зеркало он видел как пилот прихрамывая вернулся к догорающим обломкам. Решимость в его движениях не вызывала сомнений – он еще вернется в небо.

Он подъехал к гаражу и остановился. Не торопясь слез, любовно погладил прохладную сталь бака, слегка похлопывая и благодаря мотоцикл за добрый нрав, верность и надежность. Затем открутил горловину и заглянул внутрь. Топливо на самом дне, но есть еще немного. Пусть еще немного поработает. Пока вырабатывается топливо, он слушает его довольное урчание, ходит вокруг. Наконец заставляет себя повернуть ключ и заглушить мотор. Некоторое время сидит рядом и прислушивается к треску внутри горячих труб глушителя. Пока двигатель остывает, он ветошью стирает с мотоцикла дорожную пыль. Затем закатывает его в сумрак гаража. Выходит и еще раз оглядывается, перед тем как закрыть тяжелую металлическую дверь.

Еще долго будут свежи в памяти воспоминания об этом дне. Он снова вернется сюда только через месяц, словно бы и не к мотоциклу, а по другой причине. Сначала он будет просто смотреть. Затем протрет от пыли. Немного смажет все тросы. Протянет винты. Почистит очаги ржавчины. Прове-

рит плавность хода движущихся частей. Все это в ожидании нового дня. Еще одного дня.